

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Перестройка: итоги и следствия

Эдуард БАТАЛОВ

Перестройка и судьба России

Философы и историки, размышлявшие о судьбе России, давно уже обратили внимание на дискретность ее исторического пути. «Ее история прерывиста,— писал русский историк В. Вайдле,— и то лучшее, что она породила за девятьсот лет, хотя и не бессвязно, но связано лишь единством рождающей земли, а не преемственностью наследуемой культуры... Русская история не раз обрывалась и начиналась вновь, так что приходилось и русское государство заново строить, и русскую душу заново воспитывать, а делать это было тем труднее, что русский народ никогда целиком в этих условиях не участвовал и нередко о них вообще ничего не знал»¹.

О том же писал еще раньше Н. Бердяев: «Историческая судьба русского народа была несчастной и страдальческой, и развивался он катастрофическим темпом, через прерывность и изменение типа цивилизации. В русской истории, вопреки мнению славянофилов, нельзя найти органического единства... В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию»².

Не означает ли так называемая перестройка конец «пятой», советской, и начало «шестой», пока еще неведомой нам России? Никто не ответит сегодня на этот вопрос — жизненно важный не только для самих россиян, для русской диаспоры, но и для всего мира. Однако, если судить по глубине переживаемого страной кризиса, по широте затронутых им жизненных пластов, по катастрофичности распада советской социально-политической системы, по состоянию общественного сознания и культуры, по внутреннему ощущению перехода жизни в какое-то иное, неведомое социальное пространство и время, то, похоже, перестройка действительно стала для России — как и других бывших субъектов советской федерации — новым историческим рубежом.

¹ Цит. по: «Вопросы философии», 1991, № 10, с. 58.

² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990, с. 7.

Баталов Э. Я. — кандидат философских наук.

За семь лет, минувших с апреля 1985 г., страна развивалась под знаком разных, порой взаимоисключающих тенденций, и все же они истолковывались как продолжение перестройки или вступление ее в новую фазу. Задуманная высшим руководством партии как революция сверху, она была изначально направлена не на разрушение сложившейся общественной системы и политического строя, а на их сохранение посредством некоторой либерализации «реального социализма». (Неслучайно первоначально речь велась не о «перестройке», а об «ускорении» на основе соединения достижений НТР с «преимуществами социализма».)

Как революция сверху перестройка изначально базировалась на трех основных постулатах. Постулат первый: КПСС остается руководящей и направляющей силой советского общества, т. е. сохраняет монополию на власть или, в крайнем случае, удерживает в своих руках основные командные высоты. В лице новых, негласно контролируемых ею советов партия получает дополнительный канал «трансляции своей воли в народ» и новый механизм контроля над обществом. Вместе с «боевыми отрядами КПСС» — КГБ, армией, внутренними войсками — советы обслуживают существующую систему, выступая в качестве «либерального» механизма ее стабилизации. Постулат второй: СССР сохраняется в качестве единого, по сути своей унитарного государства. Республики получают несколько большую свободу, но в целом и главным, как и прежде, полностью контролируются союзным Центром. Постулат третий: страна продолжает твердо придерживаться «социалистического выбора» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во внутренней политике это — сохранение общественной (читай: государственной) собственности, «планового хозяйства», приоритета политики над экономикой, а также поддержание сохранившейся со сталинских времен системы всеобщей «промывки мозгов», обеспечивающей господство марксистско-ленинской идеологии. Во внешней политике — дальнейшие шаги по смягчению напряженности между Востоком и Западом, в первую очередь между СССР и США; продолжение разоруженческого процесса при одновременном сохранении «социалистического лагеря» (тоже, правда, несколько перестроенного и либерализованного) и международного коммунистического движения; поддержание сложившегося разделения мира на «две противоположные системы».

Таков был — как он видится по документам 1985 и 1986 гг. — общий первоначальный замысел перестройки. Резонно предположить, что если бы уже в первые годы правления М. Горбачева не были допущены крупные стратегические просчеты и тактические ошибки, если бы политизация общества шла более медленными темпами, то партийно-государственному руководству удалось бы в течение определенного, возможно, достаточно длительного времени выдерживать намеченный курс. Однако в конечном итоге это только продлило бы стагнацию исторически уже обреченной системы и привело бы к последствиям еще более тяжким, чем те, перед лицом которых сегодня оказались страна и народ.

Инициаторы перестройки не учли два весьма существенных обстоятельства. Первое — сохранить полный контроль над реформируемым обществом, удержать реформы в заданном русле можно лишь в том случае, если последние не слишком запоздали. «Просроченные» реформы, предпринимаемые в условиях, когда общество поражено тяжким недугом и в нем накопилась критическая масса деструктивной энергии, как правило, выходят рано или поздно из-под контроля и либо перерастают в революцию, либо пресекаются железной рукой новоявленного диктатора. И второе обстоятельство — тоталитарные системы не поддаются радикальному реформированию: их можно либо слегка подновить, либо полностью разрушить. Так

было в разное время в Германии, Италии, Португалии, Испании, хотя между системами, существовавшими в этих странах, имелись существенные различия. История повторилась в конце 80-х годов в странах Восточной Европы, входивших ранее в так называемое социалистическое содружество.

Уже к осени 1990 г. стало совершенно очевидно, что перестройка, как она была первоначально задумана, не дала желаемых результатов. Она серьезно расшатала старую социально-политическую систему, однако не заменила ее — да и не могла заменить — новой. Она не разрешила ни одной фундаментальной проблемы, стоящей перед советским обществом, которое вступило в полосу всеобщего кризиса. Положение все более становилось критическим. Предлагалось два альтернативных пути: либо, отбрасывая первоначальные ограничения, встать на путь радикальных политических и экономических преобразований, либо сделать сразу несколько шагов назад и под видом укрепления «закона и порядка» восстановить разрушенные элементы тоталитарной системы — в первую очередь всевластие КПСС как фундамента административно-командной системы.

Именно к этому второму пути и начал склоняться Горбачев с осени 1990 года. Будучи по натуре политиком-кунктатором, он и в данном случае действовал с той решительностью, на которой, надо полагать, настаивала окружавшая его и давившая на него консервативная верхушка партийно-государственной номенклатуры, жаждавшая разгрома демократических сил и завершения перестройки.

В этом контексте августовский путч стал закономерным исходом перестроечного процесса, как закономерен был и его контрреволюционный характер. Но отсюда логически вытекал и другой, подтвержденный последующим ходом событий вывод: провал путча был чреват неминуемым взрывом, который должен был обозначить переход от эволюционных преобразований к революционным. Так оно и случилось.

Строго говоря, перестройка в том виде, в каком она проводилась с 1985 г., завершилась в августе 1991 года. И если мы сегодня по-прежнему обозначаем этим понятием процессы, протекающие в социальной, экономической и политической жизни страны, то это не должно заслонять главного: система, которую первоначально намеревались перестроить, разрушена. Ее больше не существует как системы. Это, конечно, не значит, что исчезли составляющие ее элементы или что она не попытается воспроизвести себя в превращенной форме (в том числе и в рамках новой складывающейся системы). Революционные процессы вообще альтернативны. Они могут развиваться различными путями и прерываться контрреволюционными взрывами. Но сегодня мы констатируем: старые социально-политические структуры разрушены, страна становится на путь радикальных преобразований и перехода к новому социуму, контуры которого будут вырисовываться по мере продвижения по этому — отнюдь не воспроизводящему ни наше собственное прошлое, ни западноевропейскую или американскую историю — пути.

II

Распад советской тоталитарной системы ускорил распад Советского Союза. Перестройка стала мощным стимулом дезинтеграции СССР, но она не была причиной этого процесса. Те, кто утверждает, что Горбачев, Ельцин или Яковлев развалили страну, не учитывают одного важного обстоятельства: в том виде, в каком Союз сохранялся к началу перестройки, он мог продолжать функционировать только в тоталитарном режиме. Переход советского общества к демократии неизбежно должен был повлечь за

собой дезинтеграцию последней «империи»³. Это не значит, конечно, что более искусная политика в центре и на местах не могла амортизировать этот процесс, что кровь и человеческие трагедии, сопровождающие распад страны, были неизбежны. Но даже безошибочное движение от тоталитаризма к демократии все же не могло не повлечь за собой разъятия геополитического пространства, в котором функционировала тоталитарная система.

Этот факт поставил Россию, как и другие входящие в СССР республики, в противоречивую ситуацию. С одной стороны, произошло резкое ухудшение положения в стране и заметно снизился жизненный уровень населения. Неслучайно значительная часть россиян с ностальгией вспоминает о «добрых застойных временах» и, судя по опросам общественного мнения, готова поддержать — если не активными действиями, то молчаливым согласием — сторонников «твердой руки».

Но дело не ограничивается житейскими невзгодами. Распадаются не только старые, закостеневшие, но и живые общественные связи, разрушаются институты, далеко еще не исчерпавшие свой цивилизационный потенциал, повсеместно усиливаются сепаратистские тенденции. Как пророчески писал русский философ Г. Федотов, «...момент падения коммунистической диктатуры, освобождающей национальные силы России, в то же время является и моментом величайшей опасности. Он, несомненно, развяжет подавленные ныне сепаратистские тенденции некоторых народов России, которые попытаются воспользоваться революцией для отторжения от России, опираясь на поддержку ее внешних врагов. Благополучный исход кризиса зависит от силы новой власти, ее политической зрелости и свободы от иностранного давления»⁴.

Вместе с тем распад старого Союза открыл перед Россией абсолютно нереальную в доперестроечные времена возможность не только обрести государственную независимость, но и твердо встать на путь национально-политического освобождения и возрождения.

Многие в последние годы часто задаются вопросом: как могло случиться, что Германия и Япония, поверженные в годы второй мировой войны объединенными усилиями тоталитаризма и демократии, в послевоенный период не только возродились, но и, вросши органически в мировую демократическую систему, поднялись в экономическом, политическом и социальном отношении над главным своим победителем? А произошло это потому, что победитель не просто одержал верх над Германией и Японией, но разрушил политические системы, сковывавшие их развитие, сохранив при этом такую же, если не более реакционную, систему у себя дома. Ныне Россия вместе с другими республиками бывшего Союза сбрасывает с себя путы, которые на протяжении десятилетий сковывали ее творческие силы, сдерживали свободное социальное и политическое развитие. Удастся ли это сделать решительно и бесповоротно — зависит теперь от самих россиян.

³ Слово это беру в кавычки, ибо не разделяю ставшее расхожим представление об СССР как о последней «империи». Империя — это монархическое государство, возглавляемое императором. Но Генсек при всем своем могуществе никогда не выступал в роли императора, как и тоталитарное государство — в роли монархии. Монарх и тоталитарный вождь — далеко не тождественные роли. Империей называют и систему колониального господства наподобие Британской империи. Такая система предполагает наличие процветающей метрополии и эксплуатируемых колониальных окраин. Но разве была Россия метрополией? И разве были колониальными окраинами Украина, Грузия, Эстония...? Все союзные республики находились в более или менее равном, но одинаково бесправном положении. СССР был не империей в строгом смысле слова, но, скорее, современным тоталитарным конгломератом, функционировавшим, что важно подчеркнуть, по иным, по сравнению с империей, социальным законам.

⁴ Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? «О России и русской философской культуре». М., 1990, с. 455.

История впервые за долгое время предоставляет им шанс. Вопрос в том, как им воспользуются.

В этой связи особое значение приобретает духовно-нравственное и интеллектуальное раскрепощение России. Вл. Соловьев в своей знаменитой парижской лекции, посвященной «русской идее» (1888 г.), настаивал: «Религиозное и умственное освобождение России есть в настоящую минуту для нашего правительства дело такой же настоятельной необходимости, каким тридцать лет тому назад являлось освобождение крепостных для правительства Александра II»⁵.

Советская перестройка и дальнейшие преобразования идут в иной последовательности. Колхозно-совхозная система, закрепостившая крестьянина, все еще сохраняется, переход к свободному землепользованию (со всеми возможными социальными потрясениями) еще предстоит осуществить. Но «религиозное и умственное освобождение», без которого не преобразится и Россия в целом, уже началось и прошло определенный путь, так что можно говорить о соответствующей устойчивой тенденции. Она проявляется и в пробуждении национального самосознания, и в поисках национальных культурно-исторических корней, и в инициативах по возрождению ценностей русской культуры, разрушенных в революционные и послереволюционные годы. Порой этот процесс принимает, правда, крайние и болезненные формы, усиливая и без того возросшую в последние годы социальную напряженность. Но в тенденции он носит закономерный и в целом продуктивный характер.

Без духовного раскрепощения нам не построить нормальных, здоровых отношений ни с бывшими союзными республиками, ни с внешним миром. Без ощущения внутренней свободы не прийти в ближайшие годы к гражданскому обществу как одной из важнейших предпосылок построения правового государства. Наконец, без внутреннего освобождения не сформировать нового экономического сознания. А без него не может быть и свободного собственника — коллективного или индивидуального — как главного действующего лица создаваемой экономической системы. Конечно, становление рынка в России, где отрицание государственного начала, будь то в экономике или в социальной сфере, всегда сопровождалось шараханьем в противоположную сторону, т. е. разгулом анархии, вряд ли пройдет без социальных и экономических осложнений — возможно, даже серьезных. Но и без современного развитого рынка Россия не станет вровень с ее европейскими партнерами, а обретенная столь дорогой ценой политическая свобода обратится в чистую фикцию.

III

Выход России на историческую авансцену в качестве суверенного государства поставил ее перед необходимостью разрешения сложных проблем со множеством неизвестных. Первая и на сегодняшний день главная из них — построение принципиально новой системы отношений с бывшими союзными республиками, а ныне тоже суверенными государствами. Нужен ли России новый Союз, и если да, то что он должен собой представлять? Нужна ли Россия новому Союзу и в каком качестве?

Сегодня уже не может быть сомнений: возникнет ли на месте СССР новый Союз или не возникнет вообще никакого — в любом случае между Россией и экс-республиками — по крайней мере некоторыми из них — сложится система двусторонних и многосторонних отношений: политических, экономических, финансовых и т. п. Этот процесс уже начался, и он будет развиваться, ибо ему сопутствует ряд обстоятельств. Во-первых, известно,

⁵ Соловьев В. С. Русская идея. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1989, с. 235.

что между соседями, если они не враги, всегда складываются более или менее тесные взаимоотношения. Во-вторых, новые суверенные государства так долго были интегральными частями унитарного целого и настолько прочно связаны друг с другом, что и самые убежденные и энергичные сепаратисты не смогли бы в одночасье поставить заслон отношениям экономической, финансовой и иных форм взаимозависимости, складывавшимся на протяжении десятилетий, иногда даже столетий. Кстати сказать, такая тесная взаимозависимость может выступать сегодня также и одним из факторов напряженности в отношениях между ними. (Характерный пример — регулирование Азербайджаном поступления российского газа на территорию Армении.) В-третьих, стандарты, которым отвечает производимая бывшими союзными республиками продукция, в большинстве случаев не дотягивают до мировых, так что какое-то время им волей-неволей придется поддерживать и развивать торговые и другие экономические отношения в основном друг с другом.

Но может быть задача в том, чтобы ограничиться двусторонними отношениями и соглашениями: Россия—Украина, Казахстан—Россия, Россия—Беларусь и т. п., как это и предлагают некоторые политологи и политики? Нужен ли вообще Союз такой стране, как Россия, с ее огромными природными ресурсами, промышленными предприятиями, интеллектуальным потенциалом?

Ответ на поставленный вопрос зависит во многом от того, какая политическая идея ляжет в основу новой организации. Если речь идет о новом типе конфедеративного Союза, где Центр, не покушаясь на прерогативы членов сообщества, выполнял бы роль связующего звена между ними, координировал бы в заданных пределах их деятельность и представлял бы в мировом сообществе в качестве выразителя их совокупного интереса, то такой Союз мог бы оказаться жизнестойчивым и перспективным.

Подобного рода организацию справедливо рассматривать как своеобразное воплощение гоббсовско-локковско-русоистской идеи общественного договора, когда члены гражданского общества в целях обеспечения собственной безопасности, экономии труда и времени добровольно и согласованно делегируют часть своих свобод и прав формируемому ими политическому институту, обслуживающему создающих его субъектов. Этим институтом может быть не только национальное государство, но также и интернациональный союз суверенных государств. Тем более в контексте усилившейся в последние годы тенденции к региональной и глобальной интеграции.

Создание нового Союза могло бы носить поэтапный характер. На первых порах управленческим структурам новой организации делегировались бы ограниченные функции и права, и сам Союз, как и скрепляющий его договор, были бы открыты не только для присоединения и подписания, но и для последующих добавлений и корректировок. На последующих этапах по мере расширения сферы согласия, а возможно, и числа членов Союза круг делегированных полномочий мог бы видоизменяться — причем не только за счет расширения, но и сужения по тем или иным направлениям. Словом, новый Союз был бы динамичной, видоизменяющейся в количественном и качественном отношении структурой — как де-юре, так и де-факто.

Сегодня эта идея может показаться не вполне реальной. Однако необходимо иметь в виду, что отношения между странами в грядущем мире — мозаичном и динамичном — будут строиться на принципах, существенно отличающихся от тех, которые регулировали международные отношения в XIX и даже в XX веке. Не исключено, что республикам бывшего СССР, и прежде всего России, ищущим адекватные современным условиям, формы организации взаимоотношений, суждено создать какие-то принципиально новые структуры, могущие стать прообразом грядущей) форм объединения и воплощения идеи общественного договора. Так

или иначе, у нас не должны вызывать тревоги попытки бывших республик найти некие неклассические формы общения, с которыми они будут в дальнейшем экспериментировать в поисках оптимальной модели взаимоприемлемой интеграции. Относительно благополучная Европа потратила десятилетия на разработку проекта общеевропейского дома, но даже сегодня его строительство далеко от завершения. Трудно представить себе, чтобы субъекты бывшего Союза, находясь в более сложной ситуации, болезненно решили проблему реинтеграции за несколько недель или месяцев.

Совершенно очевидно, что в рамках нового Союза Россия должна пользоваться такими же правами и выполнять такие же обязанности, как и другие его члены. Тем, кто полагает, что это стало бы шагом назад по сравнению с ее прежним статусом «первой среди равных», можно резонно возразить, что на самом деле это было бы для России шагом вперед. Выступая в роли интегратора государства, которое хотя и называлось Союзом Советских Социалистических Республик, в действительности не было ни союзным, ни советским, ни социалистическим, ни республиканским, Россия и де-юре, и де-факто не обладала даже той кучей самостоятельностью, какую имели другие союзные республики, особенно Украина и Белоруссия. Что же касается реального авторитета и роли России, то они, как свидетельствует международная практика, устанавливаются на неформальной основе.

В любом случае Россия, если она хочет быть свободной, должна полностью освободиться от имперско-гегемонистских амбиций. Это подтверждают и опыт семи перестроечных лет, и весь исторический опыт завершающегося века. Вот только готовы ли сами россияне к такой внутренней перестройке? «Я с тревогой вижу,— писал в августе 1990 г. А. Солженицын,— что пробуждающееся русское национальное самосознание во многих доле своей никак не может освободиться от пространнодержавного мышления, от имперского дурмана... Надо теперь жестко выбирать: между Империей, губящей прежде всего нас самих,— и духовным и телесным спасением нашего же народа»⁶.

Только через отказ от амбиций — как имперских, так и националистических — можно прийти к Содружеству, жизненно необходимому и России, и Украине, и Казахстану, и другим бывшим союзным республикам. Раньше или позднее мы все равно придем к какому-то объединению. Вопрос лишь в том, начнется ли интенсивное формирование новых структур в недалеком будущем или же усиливающиеся сепаратистские тенденции (вырастающие не только из национализма, но и из провинциального отождествления суверенитета с автаркией) задержат этот процесс. Тогда может случиться так, что к осознанию необходимости новой интеграции мы пробьемся только через тяжелые — возможно, кровавые — испытания, которые прояснят истинные ценности мира человеческого общежития.

IV

Перестройка поставила Россию в новую ситуацию и на международной арене. Поглоченная союзным целым и представленная в международном общении Центром, лишенная, в отличие от Украины и Белоруссии, даже места в ООН, Россия на протяжении всего советского периода фактически не имела самостоятельного выхода в мир. События последних лет, разрушив «железный занавес», открыли перспективу развития новых отношений между Россией и Западом, всем остальным миром. Как-то сложатся эти отношения? Что принесут они России и что даст Россия миру, как впишется

⁶Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? «Литературная газета», 18 сентября 1990.

в сложное, противоречивое, динамичное, требовательное международное сообщество?

И в XIX, и в первые годы XX в. Россия жила с ощущением, что она должна выполнить какую-то важную историческую миссию в отношении других народов, что ей предстоит, сконцентрировав внутренние силы употребить их на решение какой-то внешней задачи: то ли, говоря словами П. Чаадаева, «дать миру какой-нибудь важный урок», то ли кого-то осчастливить, то ли начать какое-то грандиозное вселенское дело, которое потом дружно подхватят другие народы, то ли кого-то от чего-то спасти...

Большевистская революция не только не разрушила это мессианское со-знание, но, придав ему определенную социальную направленность, укрепила его, сделала частью официальной идеологии. Теперь стало ясно: Россия, осуществив социалистическую революцию, призвана стать ее знаменосцем, начать великое дело освобождения человечества от "ига капитала" и преобразования «царства необходимости» в «царство свободы». Правда у В. Ленина зрели подозрения, что быть образцом и знаменосцем России предстоит недолго: «...После победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран наступит, по всей вероятности, крутой перелом, а именно: Россия сделается вскоре после этого не образцовой, а опять отсталой (в «советском» и в социалистическом смысле) страной». Но передовые страны с революцией не спешили, и Россия оказалась обреченной на то, чтобы в течение семи десятилетий представлять «образцовую» социалистическую страну.

Перестройка, открывшая россиянам глаза на их истинное положение и роль в мире, не могла не способствовать распаду советско-российского мессианского сознания. Но теперь, похоже, многие бросились в другую крайность. Теперь входит в моду рвать на себе одежды, посыпать голову пеплом и возводить на себя хулу, провозглашая единственной своей целью — вполне искренно!—жить как «все цивилизованные народы», т. е. жить хорошо. Но вот вопрос: не утратит ли Россия, следуя совету тех, кто радостно расстается со столь отягощавшим их мессианским сознанием, и чувство собственной социальной идентичности, не упустит ли за разговорами о приверженности общечеловеческим ценностям представление о национальном интересе, о своем месте в мире? То самое представление, которое Вл. Соловьев называл «русской идеей»?

Есть, утверждал он, вопрос, который «в действительности является самым важным из всех для русского, да и вне России он не может показаться лишенным интереса для всякого серьезного мыслящего человека. Я имею в виду вопрос о смысле существования России во всемирной истории»⁸. «...Каков идеальный принцип, одушевляющий это огромное тело, какое новое слово этот новый народ скажет человечеству; что желает он сделать в истории мира?»⁹. При этом, подчеркивает автор, «истинная национальная идея, предвечно установленная в плане Бога,— это органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни»¹⁰.

По мысли Вл. Соловьева, реализация любой национальной идеи, в том числе «русской идеи», оказывается возможной не на пути националистическо-шовинистического эгоизма и противопоставления себя другим нациям и их национальным идеям, но лишь в согласии с ними. Это предопределено онтологией человечества: «...Мы должны рассматривать человечество в его целом, как великое собирательное существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные нации. С этой точки зрения

⁷ Ленин В. И. Поля. собр. соч., т. 41, с. 3—4.

⁸ Соловьев В. С. Указ. соч., с. 219.

⁹ Там же, с. 220.

¹⁰ Там же.

очевидно, что ни один народ не может жить в себе, через себя и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в общей жизни человечества»¹¹.

Утрата субъектом международных отношений ясного представления о национальной идентичности, о роли, которую ему предстоит выполнять в процессе взаимодействия с другими членами международного сообщества (и которая присуща каждому народу), не может, конечно, не сказываться отрицательно на его самочувствии и поведении, на разработке внутри- и внешнеполитического курса. Но исторический опыт подсказывает, что такая утрата может носить временный характер и связана — как это бывало и у других народов — с радикальным переходом из одной системы политических координат в другую. Стабилизация внутреннего и внешнего положения страны обычно приводит к возвращению ясного представления и о национальной цели, и о национальном интересе, и о национальной идентичности.

Что касается мессианско-имперского сознания, то освобождение от него¹² — одна из главных предпосылок обретения нацией истинной свободы. Отказ от иллюзорных, невыполнимых, тем более контрпродуктивных функций, присвоенных субъектом, лишь помогает нации-государству выполнить действительно необходимые функции, предопределенные ее историческим опытом, цивилизационным потенциалом, положением в мире и потребностями эпохи. Именно из успешного выполнения такого рода функций проистекает истинное величие нации.

Заграница, прежде всего Запад, со смешанными чувствами наблюдает за процессом дезинтеграции Союза и выхода России на путь самостоятельного государственного развития. Там, несомненно, удовлетворены тем обстоятельством, что СССР как мощная имперская сила, глобальный конкурент Соединенных Штатов перестал существовать. А если и возродится в качестве Союза Независимых Государств или какого-то иного сообщества, то это будет хотя по-прежнему мощный в военном отношении, но во многом и новый субъект международных отношений. Немалые надежды в перспективе связывает Запад с освоением необъятного российского и других рынков, с использованием их далеко не исчерпанных природных ресурсов.

Вместе с тем дезинтеграция великой державы, обладающей ядерным оружием, размещенным на территории нескольких республик, вызывает естественное беспокойство на Западе и во всем мире. Беспокоит мировое сообщество и перспектива массовой иммиграции из России, наводнение западных рынков дешевой рабочей силой. Говорят даже о том, что в мире теперь осталась одна супердержава и что, возможно, следует подумать о лишении Советского Союза статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН.

На этом фоне нетрудно уловить в некоторых выступлениях западных политиков, публицистов, бизнесменов, в общественном мнении нотки снисхождения и даже некоторого пренебрежения к России, другим субъектам бывшего Союза как политическим и финансовым банкротам, выведенным из крупной политической и экономической «игры».

Справедливости ради необходимо сказать, что такого рода фанатерия не имеет массового распространения и не выражается слишком уж открыто. Но она есть, как есть и осознание того, что перестройка открывает новые горизонты перед Россией, позволяющие ей стать — не претендуя при этом

¹¹Там же.

¹²Дух мессианизма, покинув нашу внешнюю политику, сохраняется в латентном состоянии в сознании части граждан. Тем более, что для многих из них мессианизм, патриотизм и величие нации сплавлены в единое целое.

на роль глобального или регионального лидера — конструктивной глобальной силой, новым мощным фактором мирового развития.

Растерявшийся в суматохе нагрянувших изменений, не успевший адаптироваться к ним должник — еще не банкрот. В тяжелом экономическом, финансовом, политическом, социальном положении находились в разное время и все члены нынешней «семерки», а Германия и Япония вообще лежали в руинах. Сегодня Россия нуждается не в случайных благотворительных подачках, но в глубоко продуманной, имеющей внутреннюю стратегию, целенаправленной и продуктивной помощи Запада, которая — если только она состоится — завтра воздастся ему сторицей. Ибо обновляющаяся Россия входит в мировое сообщество не с пустыми руками. И речь здесь не столько даже о ее соблазнительных природных ресурсах, на которые прежде всего и обращают внимание, сколько о ее неисчерпаемом интеллектуальном и цивилизационном потенциале.

В этой связи нелишне вспомнить, что Россия — самостоятельно или в сообществе с другими нациями — всегда участвовала в решении мировых проблем. Именно она приняла на себя основной удар гитлеровской военной машины и сыграла решающую роль в победе над национал-социализмом, заплатив за это непомерно высокую цену. Недалеки от истины и те, кто напоминает, что семь с лишним десятилетий назад Россия спасла Запад от тоталитарного коммунизма. Дело тут не только в том, что революционный переворот в России как бы поглотил энергию кризиса, накопившуюся за годы войны в Европе. Опыт «социалистических преобразований» — сначала в СССР, а затем и в ряде других стран — стимулировал осуществление в капиталистических странах серьезных социальных реформ и становление так называемого социально ответственного государства.

Новая Россия, вливающаяся в мировое сообщество в качестве его полноправного члена, несомненно, примет на себя и часть его забот, активно включится в решение стоящих перед ним задач, используя для этого тот потенциал ее цивилизации, на который не раз обращали внимание русские философы и историки и который во многом созвучен поискам решения проблем, стоящих сегодня перед Западом и всем миром. Здесь можно было бы говорить о присущей русской культуре духовности, дефицит которой столь остро ощущается на фоне достижений научно-технической революции и глобальной экспансии массовой культуры, или о духе «коммунотарности», если воспользоваться термином Бердяева¹³, т. е. «братства людей», открытости миру, которым пронизана культура и история России, или о русском научно-техническом гении, всегда высоко ценившемся в мире, и т. п. Однако в контексте наметившихся в мире социальных процессов мне хотелось бы акцентировать внимание на другом моменте.

Последние несколько десятилетий отмечены нарастанием глобальных интеграционных процессов — экономических, социальных, культурных, политических. При этом все более очевидным становится, что глобальная интеграция вовсе не тождественна унификации регионов, стран, народов, приведению их к некоему общему формационному или цивилизационному «знаменателю», как это представляли себе сторонники вульгарной версии теории конвергенции. Мы идем к объединенному миру, к объединенному человечеству, к новой ойкумене. Но объединенное человечество, о котором грезили многие философы, пророки и святые, — не мертвый монолит, а живой, многоликий организм. Именно многообразие — вплоть до взаимоисключения по существенным признакам составляющих этот мир цивилизаций, формаций, культур, которые друг друга дополняют и продолжают,

¹³Бердяев Н. Русская идея. «О России и русской философской культуре». М., 1990, с. 269.

подпитывают, стимулируют, в том числе через соперничество и борьбу, экономят друг для друга время и энергию (обмениваясь положительным и отрицательным опытом) — цементирует этот мир, обеспечивает «сцепление» составляющих его элементов, придает ему внутреннюю стабильность. Исторический опыт и потенциал России позволяют ей не только адекватно вписаться в глобальный интеграционный процесс, но также придать ему мощный импульс, способствовать разрешению возникающих при этом проблем, трений, противоречий, конфликтов. Как цивилизация, органически сочетающая в себе черты Востока и Запада, как уникальное евразийское пространство, физически и духовно объединяющее Европу и Азию, Россия выступает в роли естественного связующего звена между великими мировыми цивилизациями. И она может стать своего рода мостом между христианским, мусульманским и буддийским мирами. Нет на Земле другой страны, включая и такие уникальные образования, как Китай, Индия, Соединенные Штаты Америки, где эти цивилизации, эти миры сходились бы на едином пространстве, в единой системе культурных и цивилизационных координат. Россия — великий потенциальный интегратор и медиатор противостоящих и вместе с тем образующих — в перспективе, в идее — единое гармоническое целое религий, культур, народов. В новом мировом сообществе и она лучше познает собственную душу, реализует собственные возможности.

© Э. Баталов, 1992